culture@izvestia.ru

Миссис Витт ненавидела Париж; называла

его «это несчастное, унылое место». Со мной обязательно случится какоенибудь несчастье в этом грязном, зловещем городе, — сказала она. — Я чую заразу в воздухе. Ради Бога, Луиз, уедем в Марокко

или еще куда-нибудь. -Нет, дорогая мамочка. Я сейчас не могу. Рико сделал мне предложение, и я приняла его. Давай лучше подумаем о свадьбе.

— Ну вот! Я же сказала, что этот город приносит несчастье!

И на ее лицо, вокруг острого носа, легла тень сильнейшего новоорлеанского недовольства. Но Лу с Рико было уже двадцать четыре года, и они вышли из ее повиновения. Впрочем, Лу будет леди Каррингтон. И тем не менее миссис Витт впала в бешеное негодование: лучше бы Лу сбежала с одним из тех огромных страшных охранников в Лес-Холлесе. Миссис Витт была в том возрасте, когда для женщины свирепое начало в мужчине, ветхий Адам, начинает перевешивать все другие социальные достижения. И все же, и все же... неплохо бы видеть дочь «леди Каррингтон» — в аристократизме-то ей не откажешь.

Отпраздновали свадьбу, после чего миссис Витт отбыла в Америку. Лу и Рико сняли маленький старинный особнячок в Вестминстере и принялись вживаться в определенный пласт английского общества. Рико стал почти модным портретистом. С портретами, пожалуй, еще неизвестно, но сам он, похоже, стал почти модным. И Лу стала почти звездой. С ними всегда так, вечно найдется какой-то сучок. Несмотря на завидную внешность, и Рико и Лу так никогда и не влились ни в какой социальный слой. Они ведь были из плавучей стаи художников. Но оба не желали принадлежать к ней. Хотели вклиниться,

перестать быть «почти». Потому и купили особнячок в Вестминстере, отсюда портреты, обеды, визиты, избранный круг знакомых. Вернулась из Америки миссис Витт и водворилась неподалеку в тихую, хорошего разряда гостиницу. Чтобы всегда быть наготове. Ее жуткие серые глаза глядели с отблеском злопыхательства на фарсовую пустоту происходящего. Будто лучше всех все понимали. Лу и Рико как-то странно действовали друг на друга, доводили до изнеможения,

не понимая, в чем дело. Они любили друг друга. Были связаны необъяснимыми узами. Это была скорее необычная вибрация нервов, чем тяготение крови. Нервное притяжение, чем сексуальная любовь. Странное напряжение воли, чем вспышка дил на вполне определенный французский лестные девушки, распустив по спине страсти. Оба оказывали друг на друга необычное властное влияние. Они были пара им полагалось быть вместе. Однако они скоро отвратились друг от друга. Притяжение по прихоти воли, нервов обречено. Один чувствует прилив сил, другой болен, но стоит силам вернуться, заболевает первый.

И скоро с молчаливого согласия супружество превратилось в дружбу. Они оставались супругами, только без секса. Секс разрушал, доводил до изнеможения, и они отказались от него, жили как брат и сестра. И все же это были муж и жена. Отсутствие физической близости было тайным источником неудобства и мучения для обоих. И они оба не мирились с этим. Рико провожал других женщин раздумчивым, беспокойным взглядом.

Миссис Витт следила за происходящим из-за забора, как всесильный, хорошо вооруженный демон, полный сверхъестественной энергии и убийственного здравого смысла. Она не была многословна, но ее короткие колючие замечания выдавали презрительное отношение к menage.

Рико приглашал в гости умных, хорошо известных личностей. На прием приходила миссис Витт, одетая по американской моде, поблескивая двумя-тремя хорошими бриллиантами. Она была красива со своим пышным серебром волос. Но ее серые глаза, глядящие из-под тяжелых век, могли привести в отчаяние любую хозяйку. Эти глаза видели слишком много убийственных вещей. Было совершенно очевидно, что умные, хорошо известные личности действуют ей на нервы своим жеманством и утонченной спесью. Она жаждала проложить путь сквозь эту утонченную спесь. Она постоянно вспоминала дом, где прошло ее девичество, плантацию, негров, белых хозяев: усмешливую серьезность, пропитывающую всю ту большую незыблемую жизнь. И хотела поудобнее устроиться со своей большой грозной Америкой среди безмятежной дискриминации лондонской гостиной. Разумеется, ей это не удавалось.

Но, обладая кипучей энергией, она должна была что-то делать. В конце войны она работала медсестрой Американского Красного Креста во Франции. Она любила мужчин, разумеется, настоящих. Но при ближайшем знакомстве с ними она так и не могла понять, что же такое «настоящий» мужчина. Она их никогда не встречала.

Из мирового побоища она вынесла некий странный артефакт в виде американца Джеронимо Трухильо. Он был сыном мексиканца и индианки из племени навахо, живших в штате Аризона. Поближе его узнав,

Дэвид Герберт Лоуренс

Сент-Мор

Только в «Известиях» впервые на русском языке публикуется отрывок из рассказа «Сент-Мор» Дэвида Герберта Лоуренса, создателя самого скандального эротического романа XX века «Любовник леди Чаттерлей». Еще при жизни Лоуренса его романами зачитывались и осуждали их как непристойные. Понадобилось более тридцати лет и судебный процесс (1960 год), чтобы «Любовник леди Чаттерлей», запрещенный сразу после издания, официально увидел свет в консервативной Британии. Рассказ «Сент-Мор» выйдет в третьем томе собрания сочинений Лоуренса (издательство «Вагриус») в январе.

вы безошибочно признали бы в нем полукровку. Но на первый взгляд могли бы прилюбой нации, хотя бы француза. Он похо- парка. Да, тут скачут на веселых пони претип: необычно посаженные темно-карие белокурые волосы. До невозможности глаза, прямые черные волосы, тонкая полоска черных усов, удлиненные щеки, них такой вид, точно сейчас будут разлинеуверенная усмешка, слегка развинченная поступь. Только узнав его ближе и глянув ему в глаза, вы замечали в них незабываемый блеск глаз индейца.

Он был тяжело контужен и какое-то время совсем беспомощен, Миссис Витт ухаживала за ним и, вернув к жизни, спросила, куда он собирается ехать. Он не знал. Родители его умерли, возвращаться в родной Феникс было не с чем. Он окончил только среднюю школу для детей-индейцев, и теперь места в жизни этому бедолаге не было. Еще одна из множества неприкаянных душ.

ронился, проявляя нервозность. В миссис Витт он возбудил интерес.

— Ладно, Феникс, — сказала она, отвергнув его испанское имя. — Посмотрю, что можно для тебя сделать.

И нашла ему место работника на большой ферме, принадлежащей ее знакомым. Оказалось, он хорошо знал лошадей, а индюки, гуси и другая птица, можно сказать, были его специальностью.

Спустя какое-то время после свадьбы Лу миссис Витт опять появилась в Лондоне. На этот раз в сопровождении Феникса и пары лошадок. Она решила, что по утрам будет ездить верхом в Гайд-парке и обо- Парк-лейн, смотрели в тоске душевной на зревать светское общество. Феникс будет стальную наездницу и ее сумрачного спут-

И это свершилось, к великому огорчению Рико. Миссис Витт в элегантном костюме для верховой езды, красивых сапогах и изящной черной шляпке на пышных седых волосах скачет на сером мерине, таком же элегантном, как она сама, и смотрит вниз поверх своего аристократо-демократического луизианского носа, самоуверенна публику, прогуливающуюся по Пиккадилли, а рядом молчаливая тень Феникса на гнедом с тремя белыми ногами жеребце -слившиеся, точно одно существо.

Миссис Витт, как большинство людей, всегда ожидала, что где-нибудь, когданибудь она все же найдет настоящий beau monde, настоящий grand monde. Ее не de Boulogne, или в Монте-Карло, или даже на Пинчио. Все было довольно жалко, не очень beau и уж совсем не grand. И вот она здесь, вооруженная серым орлиным глаздоровьем пятидесятилетней женщины; тяжелые веки приспущены: она нервничает, самую малость, но в полной готовности и на этот раз презирать monde.

Выехав на верховую тропу, она скачет туда и обратно по этому «каналу регат» нять за сильно загоревшего представителя среди всадников и всадниц, под деревьями лощенные папы и туго затянутые мамы—у вать чай между ушами лошади, они искусно беседуют — один глаз на чайнике, другой на госте, с кем идет разговор, а остальные сто аргусовых глаз хозяйки на каждом участнике чаепития. Всевидящая способность английской хозяйки дома изумляет, даже ввергает в ужас. При виде их миссис Витт сразу вспоминаются старые негритянские мамы Луизианы. Заметив стриженых, выскобленных, чопорных английских юнцов, глаза ее мечут молнии. А на богатых евреев она просто не желает смотреть.

«Не опасен с теми, кто знает, как с ним обращаться. Но довольно опасный для тех, кто не знает. Точная характеристика, а, Сент-Мор?»

ника. Казалось, что миссис Витт целится из пистолета в грудь каждого всадника и всадницы, объявляя соответственно ультиматумы: «Мужественность или жизнь!», «Жизнь или женственность!». Правда, она и сама не знала, чего ей хотелось бы. Наверное, демократичности Авраама Линкольна, аристократизма русского царя, утонченного интеллектуализма Артура Бальфора и ного, любопытного и презрительного, отрицательной молчаливости Феникса. И чтобы все было в одном.

Ничего не поделаешь. Лу пришлось купить лошадь и верхом сопровождать миссис Витт приличия ради. Она так походила на блестящий стальной пистолет со взведенным курком, что требовалась кобура в виде Лу.

Лу выглядела прелестно: темные волны удовлетворило то, что она увидела в Воіз вьющихся новоорлеанских волос, особенные, чуть разные карие глаза, не то сонные, не то туманные, и вместе быстрые, как глаза белки. Она была тоненькая, изящная и чуть более свободного нрава, зом, прекрасным цветом лица, могучим кто-то даже предположил, что она из мира

Тем не менее в колонке светской хроники наутро была такая заметка: «Сегодня в Гайдпарке на аллее верховой езды появились две

новые блестящие всадницы — леди Генри Каррингтон и ее мать миссис Витт...»

Миссис Витт была довольна, что бы она ни говорила. Лу тоже, она была в восторге. Просто купалась в лучах славы.

Рико, дорогой, тебе необходима

Голос был мягкий, по-южному певучий, но в нем звучало бесповоротное решение. Напрасно Рико начал увиливать — у него была эта манера увиливать, отлынивать, возможно, он вынес ее из Оксфорда. Напрасно он уверял, что не умеет скакать на лошади и что безразличен к езде верхом. Он рассердился, вздернул красивый нос, верхняя губа задралась, обнажив зубы, как у собаки, которая готова тяпнуть. Но не смеет.

В этом был весь Рико. Он не смел тяпнуть. Не то чтобы он боялся кого-нибудь. Если и боялся, то самого себя. Долго сдержива-Тогда легковым автомобилям еще не емая ярость могла взорваться и разбить В его внешности было что-то от париж- позволялось ездить в Гайд-парке. Рико и вдребезги эту чудную, чудную картинку ского хулигана; он был замкнут и всех сто- Лу, обогнув Гайд-парк-корнер и выехав на очаровательной жены, прелестный особнячок, завораживающий успех художника, пишущего модные и вместе «великие» портреты: какой колорит, какие краски, а форма, волшебная форма! Он создал эту tableau vivant величайшим трудом. И он не желал взбрыкнуть, подобно вдруг обозлившемуся жеребцу — на самом-то деле Рико походил не на собаку, а на коня, который может сбросить седока в любую минуту. А пока он вел себя хорошо, слишком хорошо — затишье перед грозой.

— Но, Рико, дорогой, я думала, ты в Австралии много скакал верхом, когда был мальчишкой. Не ты ли мне об этом рассказывал, а-а?

Это долгое распевное «а-а» действовало на него как заклинание, и он понял, что опять проиграл.

Лу держала свою гнедую кобылу в конюшнях позади их дома в Вестминстере и часто туда забегала. Ее почему-то туда тянуло, какая-то странная ностальгия, и это ее удивляло. Она и не подозревала, что ей нравятся лошади, стойла, грумы. Оказалось, что это так. И это восхитило ее. Наверное, возникли в памяти картинки детства в Техасе. Как бы то ни было, ее жизнь с Рико в элегантном особнячке, все ее нынешние общественные связи стали представляться ей сном, а осязаемой реальностью были эти конюшни в Вестминстере, гнедая кобыла, хозяин конюшен мистер Сейнтсбери и грумы, которых он нанимал. Мистер Сейнтсбери был жокейского вида старик, похожий лицом на старую деву. И он любил произносить титулованные имена.

опять навестили нас. Не представляю себе, что мы будем делать, если вы нас покинете. Мы осиротеем! — и он улыбнулся, точь-вточь как старая дева. — Сколько бы небо ни хмурилось, леди Каррингтон, вы всегда принесете с собой луч солнца. Поппи, надеюсь, в порядке...

Пошти была гнедая кобыла с испутанным взглядом и рыжими ногами без единого белого пятнышка, и с ней было все в порядке. Мистер Сейнтсбери растянул в улыбке рот старой девы, обнажив два ряда

тон, моего нового жеребца, его только что привезли издалека от хозяев. На него стоит взглянуть, думаю, что у вас найдется несколько свободных минут.

- Идемте, я покажу вам, леди Карринг-

У леди Каррингтон было слишком много свободных минут. И она пошла следом за бодрым чисто выбритым стариком через двор к отдельно стоявшему стойлу.

Мистер Сейнтсбери отпер дверь; в полутьме стойла она увидела красивого каштанового жеребца, чистые гладкие уши торчат на голове, как кинжалы; он красиво развернулся и посмотрел на распахнутую дверь. У него были большие, блестящие черные глаза, в них загорелось острое любопытство и то настороженное, как тугой лук, спокойствие, которое бывает у животных, способных внезапно напасть.

— Он не опасен? — спросила Лу.

— Нет, конечно, миледи! Он не опасен с теми, кто знает, как с ним обращаться. Все хорошо, мой мальчик! Все хорошо, моя прелесть! Успокойся, Сент-Мор!

Говорливый даже с животными, он, тихо ступая, прошел вперед и положил руку на плечо коня, мягко и нежно, как будто села муха. Лу увидела, как по шелковистой коже коня скользнула легкая дрожь настороженного ожидания, как тень от ладони, приближающейся к поверхности ярко-оранжевой жидкости. Но больше никаких признаков раздражения.

-Не опасен с теми, кто знает, как с ним обращаться. Но довольно опасный для тех, кто не знает. Точная характеристика, а, Сент-Мор?

-Как его зовут? — спросила Лу. Мистер Сейнтсбери повторил имя — с легким валлийским акцентом.

—Конь из Уэллса, его хозяин валлийский джентльмен мистер Гриффит Эдвардс. Он хочет его продать.

—А на нем можно ездить в Гайд-парке? — Ну, конечно! Если джентльмен знает, как с ним обращаться, красивое будет зре-

Лу тут же подумала: да, очень красивое, если на этой лошади поскачет Рико. Потому что она уже влюбилась в Сент-Мора. Он был великолепной красноватозолотистой масти, и от него исходил темный, невидимый огонь. Но в его чудных черных глазах пряталась какая-то темная мысль. Что-то говорило ей, что Сент-Мор не очень счастлив, что где-то в глубине его звериного сознания прячется опасная полускрытая обида, неясное чувство враждебности. Она поняла, что он слишком чувствителен и обидчив и, несмотря на здоровую горячую мощь, нервы у него могут сдать. А тогда жди беды.

— Он может выкинуть какую-нибудь штуку? - осторожно спросила Лу.

— Насколько мне известно, нет, миледи. Не то чтобы выкинуть... но он, как говорится, животное темпераментное. Хотя, надо сказать, у каждой лошади темперамент — только приблизь ее к себе. Но этот жеребец особое дело: похоже, у него есть больная точка. Коснитесь ее, и я за него не

- A где эта больная точка? — спросила Лу

со всевозрастающим интересом. — Ну, это трудно сказать, миледи. Будь он человек, я бы решил, что у него в жизни чтото когда-то произошло. Но у лошадей это не так, совсем не так. Породистое животное, как Сент-Мор, требует понимания. И, думаю, никто еще не постиг его сущности. Признаюсь, даже и я. Но мне ясно одно: это совсем особенное животное, и оно нуждается в особом подходе. Мне бы очень хотелось, чтобы подход нашелся, знать бы только, что он собой представляет.

Лу смотрела на пылающую темным золотом кожу коня, прижатые уши; голова повернута и всегда начеку, словно молниеотвод. Сент-Мор был жеребец. Когда она поняла это, опасение усилилось.

—Почему мистер Гриффин Эдвардс хочет продать его? — спросила она.

— А потому, миледи, что хозяин было решил сделать его производителем. А он заупрямился. Такое с жеребцами бывает. Не нравятся им кобылы — и все тут. Так и лопнул у хозяина план стать коннозаводчиком. А вы видите, какой это красивый сильный жеребец, безупречных статей, сила через край бьет. Глупо засунуть его в оглобли. Он этого не вынесет. Это прекрасный верховой конь. Он будет так хорош с всадником в седле. Надо только знать, как с ним обращаться. Тут уж ничего не поделаешь.

Лу чувствовала, что мистер Сейнтсбери

что-то недоговаривает. — А срывы у него были? — спросила она

-Срывы? Да... должен признаться... было -Леди Каррингтон! Боже мой! Вы, вижу, два несчастных случая. Сын мистера Гриффита Эдвардса скакал на нем во весь опор у себя в валлийском лесу. И размозжил себе голову о нижнюю ветку дуба. Это было той осенью. А еще раньше он швырнул грума о стенку стойла и зашиб его до смерти. Но это, миледи, несчастные случаи. Такое бывает.

Дэвид Герберт Лоуренс родился 11 сентября 1885 года в Иствуде (графство Ноттингем) в семье горняка. В шестнадцать лет будущий писатель был вынужден бросить школу и пойти работать на фабрику, но после первого приступа пневмонии оставил работу. Четыре года он проработал учителем, не имея соответствующего диплома, затем учительские курсы при Ноттингемском университете и стал преокраине Лондона. Тогда же начал работать над первым романом, а в 1909 году его рассказы

и стихи были напечатаны в журнале English Review. В 1911 году по рекомендации влиятельного критика и писателя Форда М. Форда был опубликован первый роман Лоуренса «Белый павлин». Весной 1912 года Лоуренс бежал в Европу с Фридой Уикли. женой ноттингемского профессора Э. Уикли. В 1913-м вышли в свет первый сборник его стихотворений и роман «Сыновья и любовники» первый из скандально. известных романов Лоуренса, шокировавших широкую публику. Другие романы из того же ряда - «Радуга» и «Влюбленные женщины». После Первой мировой войны Лоуренс навсегда покинул Англию и поселился в Италии. В 1921 году семейство Лоурен-

Лоуренс за шесть недель написал роман «Кенгуру», за которым проследовали «Хохлатый змей» (1926) и «Любовник леди Чаттерлей» (1928) (последний был опубликован почти подпольно). Здоровье Лоуренса продолжало ухудшаться, и он перебрался Лоуренс умер в Вансе 2

марта 1930 года.

сов решило отправиться

Атлантику, а через Шри

в США — но не через

Ланку и Австралию.

Именно в Австралии